

An abstract painting with a vibrant, multi-colored palette. The composition is dominated by large, organic, and somewhat cellular forms in shades of red, orange, yellow, and purple. A bright, glowing light source is visible in the upper left quadrant, casting a soft glow across the scene. The background is a mix of light blue and white, suggesting a sky or a misty atmosphere. The overall effect is one of dynamic energy and complex, interconnected structures.

Красота спасет мир

О.Ф. Петрова

Дыхание иных миров

В Москве в Государственной Думе 10 апреля 2002 года открылась выставка известного художника из Эстонии Олега Высоцкого.

«Художественное произведение существует не для себя, а для нас, для публики, — справедливо заметил в свое время Гегель. — Любое произведение искусства представляет собой диалог с каждым стоящим перед ним человеком». На выставке Олега Высоцкого диалог с его произведениями в течение недели вели депутаты Государственной Думы России. Выставку организовал Международный комитет Думы, на ее открытии выступили научные сотрудники Музея имени Н.К. Рериха,

Из серии «Миры»

который последовательно поддерживает и выявляет новые современные таланты.

Тема Космоса в современном изобразительном искусстве становится актуальной для целого поколения художников. И это не дань моде. Осознание единства человека и Космоса, понимание космоса как живой среды, как особого духовного пространства отвечает нашим представлениям о прекрасном, цельном, гармоничном. Бесконечные духовные миры Вселенной стали источником вдохновения для Олега Высоцкого, верного этой теме на протяжении многих лет.

Работы, которые художник показал в Государственной Думе, — это поэма о Космосе, где видимое подчиняется незримому, образы рождаются на зыбкой грани яви, мечты и фантазии, где в вечном движении тонкой материи, облеченной в изысканные формы, приоткрываются невидимые миры Вселенной с ее дыханием, звуками, красками. Художник продолжает традиции русской национальной культуры XX века, основанной на поисках семантических значений символистского искусства, новых выразительных возможностей пластического языка. В этих поисках для художника особую роль играет творчество Н.К. Рериха.

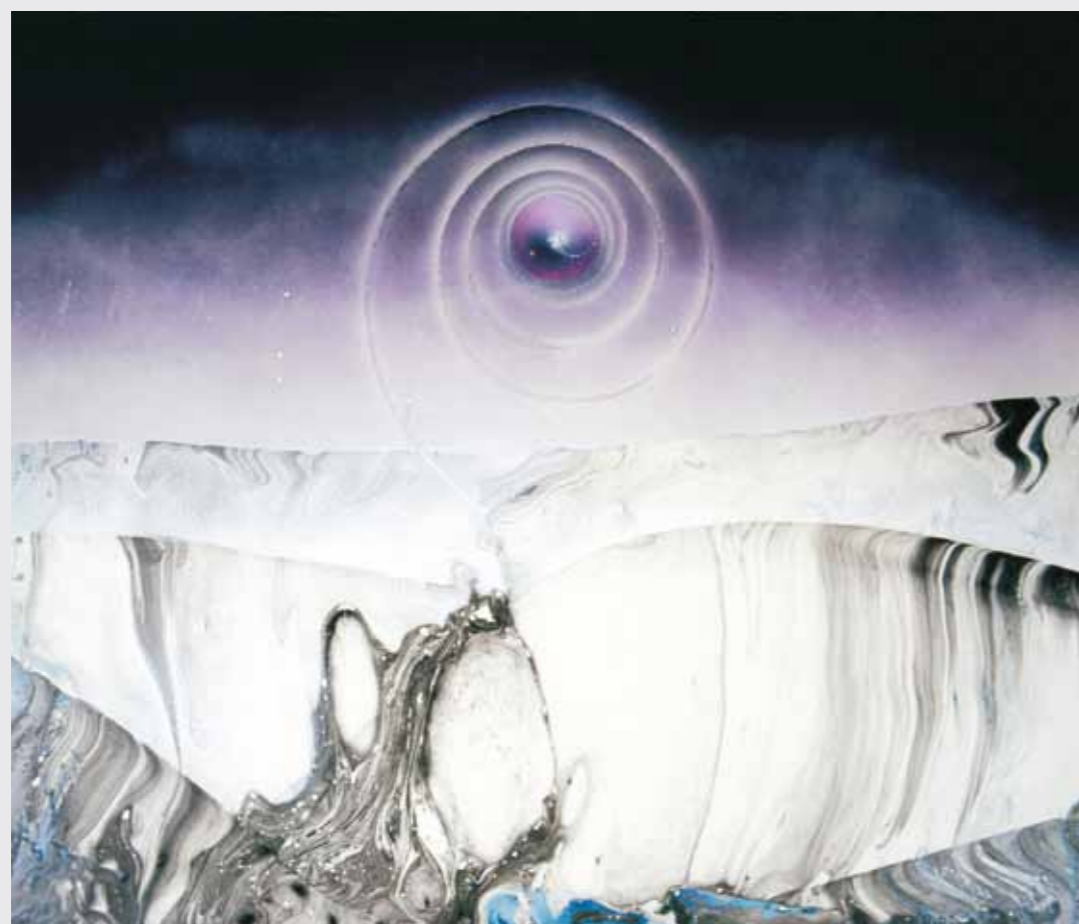
Олег Высоцкий стремительно расширяет границы поиска, проявляя новые грани пластических форм в изображении многообразия реальности. В серии «Водопады» художник создает ощущение льющейся энергии воды, в непостижимой глубине пронизанной светоносным пространством космоса. Его серии возникают как поток импровизаций, в которых свет играет особую роль. Формирует ли он пространство холста, выстраивает ли согласно внутренней логике композицию — все излучает золотистый, серебряный, перламутровый свет, который одушевляет мир его образов, то камерно-лирический, то символический. Подобным образным решением отмечены серии работ «Берега», «Моря».

Тор

Из серии «Преобразование мира»

Из серии «Миры»

В работах «Дыхание Космоса» и «Метаморфозы» особую роль играют композиции с шарами как подвижными и зарождающимися космическими организмами, светоносными, живыми и полными энергии среди других миров бесконечной Вселенной.

Высоцкий умеет общаться с природой, слушать ее таинственные голоса, переливать их в аккорды и гармонию красочных созвучий и форм. В работах «Проявление природы», «Двойная радуга» игра цветовых пятен, своеобразных ритмических узоров, то сферических, то появляющихся из недр земли, вьющихся линий, переплетающихся спиралей передает внутреннюю экспрессию и пульсацию форм в живом пространстве реальности.

Особой выразительностью отличается серия «Белое на белом» — на белом листе бумаги художник живописными мазками обозначает форму, которая на глазах зрителя начинает пульсировать, создавая ощущение рождения жизни, возникающей из инобытия, рождения нового мира. Художник работает в оригинальной смешанной технике, нанося на бумагу тонкий слой масла, акварели, темперы, акрила, он передает сложные нюансы цвета, делает видимой подвижную форму, заставляет ее жить, дышать, пульсировать, создает ощущение движения, реального проявления самой Вселенной.

Еще одно дарование мастера — его педагогическая деятельность. Он учит детей в своей мастерской, в студиях изобразительного искусства, в художественных школах, учит мастерству и прививает им любовь к красоте Вселенной. Дети почитают художника. Хочется особенно поблагодарить Олега Высоцкого за эту благородную и созидательную работу в области этического и эстетического просвещения, которое сегодня необходимо нашей стране как воздух.

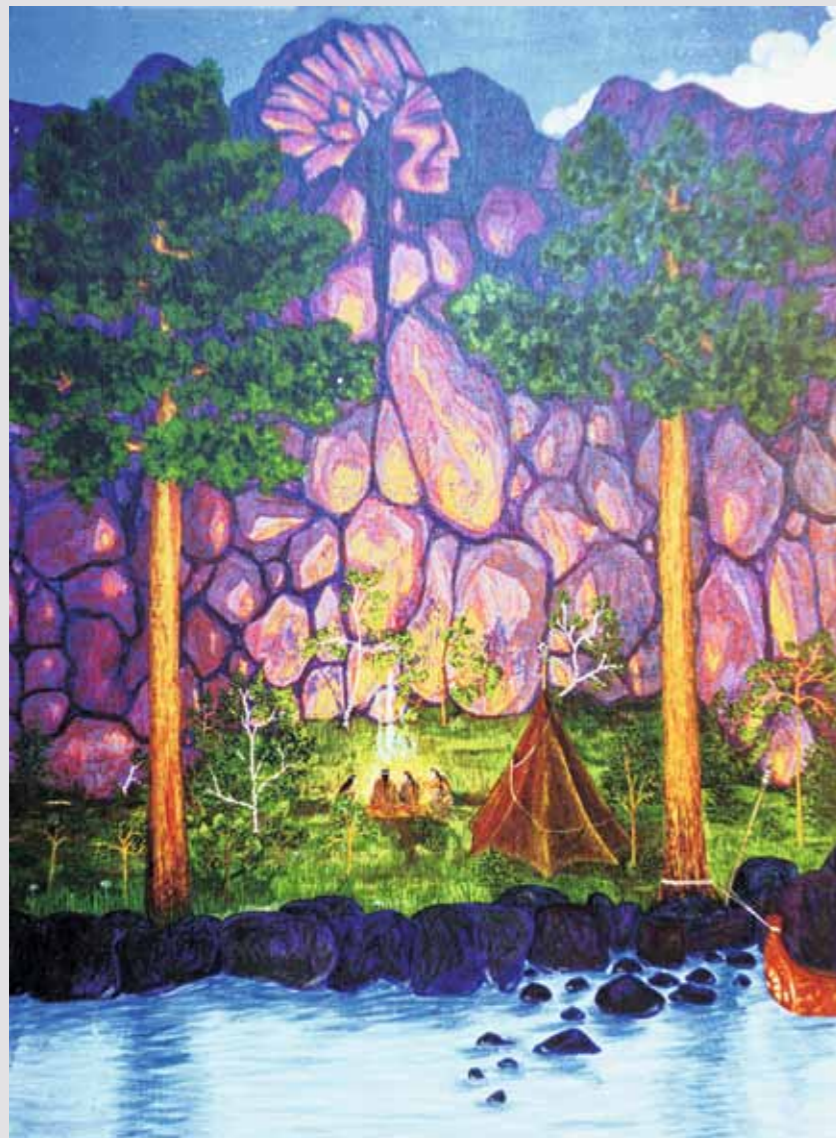

Из серии «Водопады»

А.П. Кабанова

Ступени Лолы Лонли

*Через искусство дух говорит с духом
Материя является только улицей,
По которой совершается сообщение.*
Г. Гримм

*Настанет день, и мудрый Сагали Тайи
вернется вместе с солнцем...*

То, что я увидела, почувствовала на выставке «Живые предания вечности», не только проникает в глубинные пласты подсознания, но особая экзотическая красота полотен и заключенные в них легенды выводят мысли на осевые проблемы современности, от решения которых в конечном счете зависит жизнь планеты и человечества.

Ведь мифы и легенды — это не просто живые предания вечности, это древние откровения, данные когда-то людям Высшим Разумом, их поэтические пересказы, прозрения в глубь веков и суть явлений.

О выставке «Живые предания вечности» и ее авторе, 27-летней художнице-самоучке Лоле Лонли, являющейся, на мой взгляд, феномен нашего времени, я хочу рассказать в небольших главках, новеллах. Первую я назвала:

Магия Мифа

*Нам вверены загадочные сказки,
Камень, ожерелья и слова,
Чтоб мир не стал глухим,
Чтоб не поблекли краски,
Чтоб тайна веяла, жива.*

В. Брюсов

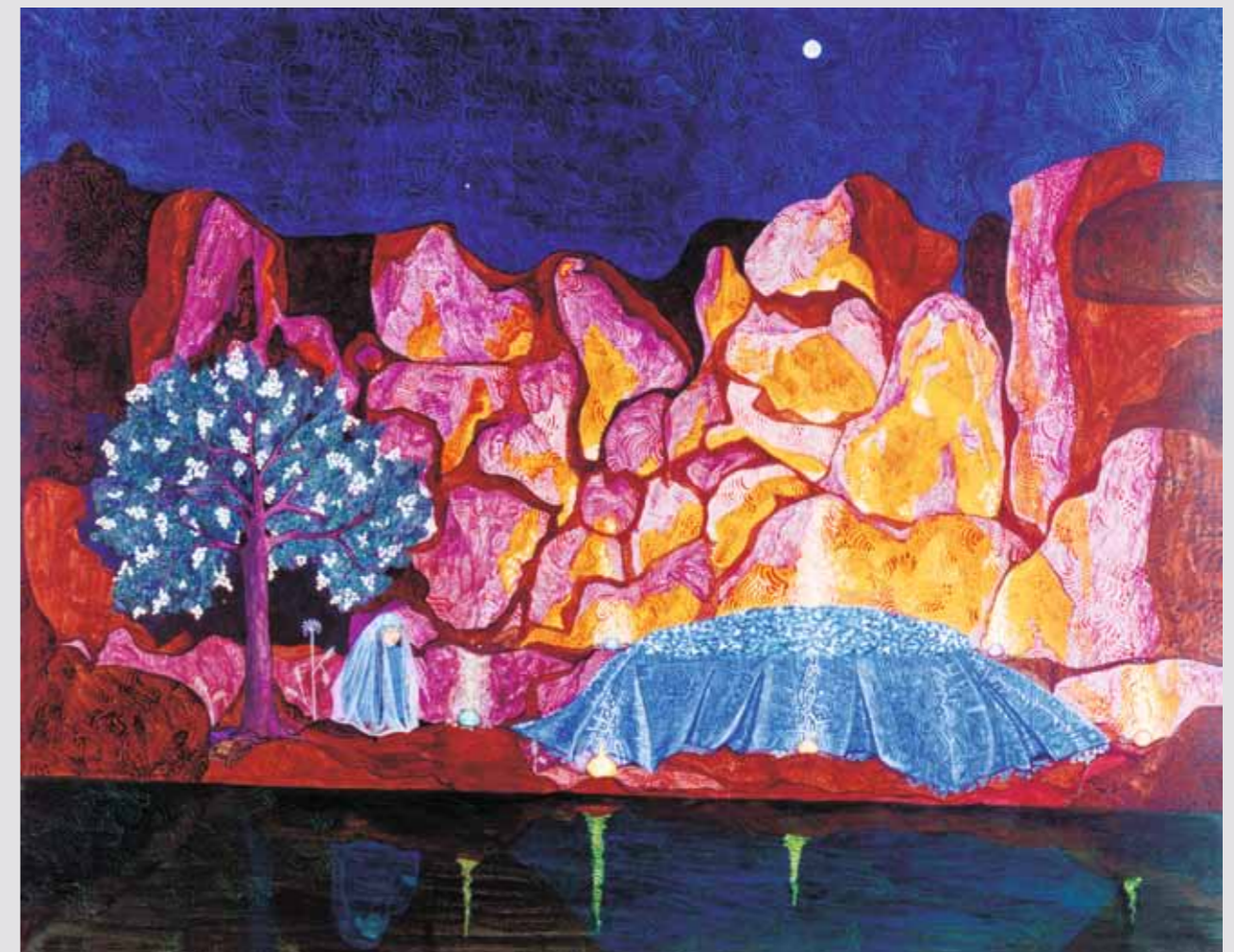
Переступая порог выставки, я имела приблизительное (только по названию) представление о ее теме, еще ничего не знала об авторе, но, окинув беглым взглядом полотна, попавшие в поле моего зрения, и отметив их яркую декоративность, вдруг чуть ли не вслух сказала себе: «Ну, это все о единении». Сказала и удивилась, поймав на мгновение этот странный обрывок непонятно откуда взявшейся мысли, и тут же о ней забыла, стала смотреть и вчитываться в

изложение легенд, сопровождавших каждое полотно. И первая же картина стала вехой, сразу определившей восприятие выставки: радостное изумление и узнавание, словно в картине все было знакомо еще с детства.

В памяти тут же всплыла любимая моя «Песнь о Гайавате», когда я увидела на полотне зеленый берег вдоль синей реки, золотые стволы высоких сосен, распростерших пышные ветви над небольшим вигвамом, и у костра фигуры индейцев. Они казались маленькими в сравнении с могучими соснами, отвесной стеной красных камней, у которых расположился их стан. В яркое величие дикой природы индейцы были вписаны так органично, что казалось, будто природа сотворила все это из одного материа-

ла — и людей, и деревья, травы, цветы, и эту красную гору, вершину которой венчает огромный камень, похожий на голову индейского вождя.

Называется полотно: «Настанет день, и мудрый Сагали Тайи вернется вместе с солнцем...» Посвящена картина племени «Черноногих». Оно уже почти стерто с лица земли «цивилизованными» колонизаторами Америки. А остатки разбросаны по резервациям... И возможно, теперь племя «Черноногих» существует только в истории, литературе да на этом полотне. Изображенных на нем индейцев стоняют со своих земель, и остается им только надеяться и ждать помощи от Великого духа — мудрого Сагали Тайи, что вернется к ним когда-нибудь вместе с солнцем.

Тихий плат

«...Не было ни суши, ни людей. Потом с неба спустилась Великая Мать»

— Еще в детстве, когда я читала об индейцах, — рассказывает Лола Лонли, — я не могла без слез воспринимать судьбу этих племен, уничтожение их высочайшей цивилизации и культуры, — высочайшей не по

научно-техническим достижениям и уровню комфорта, а по своему нравственно-этическому уровню. Ведь они не знали, что такое воровство, разврат, пьянство. Со всем этим познакомили их «цивилизованные белые».

А с каким уважением индейцы относились к животным! По их разумению, это была другая форма жизни, не менее одухотворенная и ценная, чем жизнь людей. Единение с природой — вот смысл культуры индейцев.

Единение. Вот оно, это слово. То, что залетело, притянулось в мои мысли, едва я переступила порог выставки! Притянулось, потому что идеей единения была насыщена вся здешняя атмосфера. Единение в самых разных его ипостасях: вот индейские племена, дикие с точки зрения «цивилизованного мира», ждут в трудные времена своего Великого Духа — Сагали Тайи. Ждут так же, как ждали иудеи, христиане своего Мессию, как буддисты — Майтрею...

А вот другой миф, о загадочном камне с Ориона. О нем известно по легенде о чаше Грааля, возникшей в раннем средневековье Европы и Ближнего Востока. С незапамятных времен знают о камне в Индии и Тибете. Здесь его зовут «Чинтамани»... Но пересказ этого мифа, пришедший с континента Черной Африки, почти совсем неизвестен. Именно он, воплощенный на полотне, получил свою новую жизнь здесь, на выставке «Живые предания вечности». Интерпретация этой легенды на двух полотнах художницы, по-своему ее разившей, имеет корни в жизни самой Лолы Лонли.

В детстве (вспомните: «все мы родом из детства») после знакомства с «Хижиной дяди Тома», после передач телевидения, где рассказывалось о тяжелой жизни черного населения Африки, маленькая Лола преисполнилась к африканцам самого горячего сочувствия. Даже родителей своих, потомственных сельских учителей, с которыми жила в Подмосковье, не раз упрашивала послать голодающим детям Африки хоть какую-нибудь посылочку. И, наверное, не удивительно, что, почувствовав призвание художника (а осознание этого пришло к ней уже в 15 лет), Лола обратилась к африканской теме. Сотрудники Института Африки помнят, как,

появляясь там, она просеивала через себя массу сведений о разных африканских племенах, вчитывалась в «сырые», недавно записанные и еще не обработанные легенды. Одна из них, связанная с историей континента, и стала источником творческой фантазии художницы. На территории Зимбабве есть город, вернее, остатки сооружений, столь древние, что историки затрудняются определить их возраст. Никто не знает, кто построил этот город. Но в народе рассказывают, что давным-давно некий таинственный странник заложил в основание города чудесный камень, способный предсказывать будущее и помогать людям. И город этот, с камнем в основании, долгое время процветал. Вот Лола и представила себе, как таинственный африканец, знавший об этом камне, пошел по свету его искать.

И вот картина: «Таинственному страннику — дар неземной». ...У подножия розовеющей в солнечных лучах алтайской Белухи, у голубого потока, спадающего со скал, сияет, светится волшебный камень, и вот-вот прикоснется к нему руки таинственного странника... Он нашел его, наконец, этот волшебный камень, когда достиг такого состояния своего духа, какое позволило Высшим Силам доверить ему сокровище. Теперь он может заложить камень в основание своего города.

Вот такие предания вечности оживила на своих полотнах художница в тревожное наше время, когда человечество, ослепленное своим «всемогуществом», стало забывать о единстве человека с природой, о единении людей в добре и понимании главной ценности жизни — ее духовной сущности и связи через нее с Мирами Высшими. И разве сейчас, как, впрочем, и всегда, предания

древности — это не тот ключ, что приоткрывает нам тайну одного и того же источника высших духовных знаний для всех племен и народов? Разве миф не есть магический символ, зовущий людей к единению из глубин тысячелетий?

Матерь Мира

Женщине дано являть мощь сокровенной жизненной энергии... Ибо от начала ей вручена нить связи двух миров — видимого и невидимого.

Е.И. Рерих

Первый образ Матери Мира, появившейся на полотне, пришел к художнице от гурунов, у которых она именовалась Великой Матерью.

Суть индейской легенды такова. В незапамятные времена Великая Мать спускается с неба, чтобы среди моря, покрывающего всю землю, сотворить сушу и населить ее людьми. Потому-то и называется полотном: «Не было ни суши, ни людей». В картине запечатлен момент, когда Великая Мать в образе прекрасной индейской женщины спускается с небес к морю, и вот она уже у самой воды... Спускаться ей помогают две большие гагары, но, чувствуя, что могут не удержать Богиню, они зовут на помощь всех морских тварей. Слетаются сюда белые, розовые птички, выпрыгивают из воды золотистые рыбки, — но что они могут сделать? И тогда всплывает на поверхность огромная черепаха и подставляет небожителнице свою красную спину.

Грация движения в неустойчивом равновесии спуска, мощным разворотом крыльев птиц, что пытаются удержать Великую Мать, переданы удивительно точно и пластично. А бело-голубые одежды Богини,

оперение гагар — от темно-серого до белого на ярко-синем фоне небес и моря, со всеми его разноцветными обитателями, создают дивную гармонию цвета, взволнованно-динамичной пластики, точной компоновки и соотношения фигур. Рассказ Лолы о том, что картина создавалась в состоянии почти полной медитации, всецело подтверждается художественными достоинствами полотна.

И что удивительно, именно у этой картины подсознание снова задает мне задачу. Глядя на полотно, я вдруг с острой радостью вспоминаю, что совсем скоро поплыву на корабле к Ладоге, к Валааму... Ну, естественно, встретить там Великую Мать я не ожидаю, но почему именно эта картина вдруг так властно потянула меня к природе, к первозданному ее водным просторам? К необозримой глади озера-моря Ладоги и Валаамскому архипелагу, чьи островки действительно поднимаются из воды, как полукруглые черепаши спины...

Картина эта словно пропета художницей и, на мой взгляд, входит в число лучших ее полотен. Но Великая Мать гурунов — только первая проба кисти художницы в создании образа Матери Мира. Позже на полотнах будет сотворен другой ее облик.

— В первой картине — «В твоём сердце живет луч дающий» — я написала Матерь Мира в огненном плаще с закрытым ликом, а в другом полотне — «Владычица украсит край устремленный» — нарисовала почти в профиль. Смысл картины в том, что Матерь Мира посылает творческий огонь в край, где живут высокодуховные люди, может быть, в Шамбалу... Писала я эту картину по тринадцать часов в сутки, и за неделю она была готова.

Так появились у Лолы Лонли новые образы Матери Мира. Приглядываясь к этим полотнам, я заметила, что они покры-

ты какими-то еле видными, словно муаровыми разводами.

— Что это? — спросила я художницу.

— Это мой способ закладывать в картину высокую энергетику. Энергия творчества, по-моему, исходит не только от образов картин, но и от этих космических волн, волн сосредоточения и любви. Ведь человек должен отдавать миру ту энергию, которую у него берет, а художник — тем более. В этом мне особенно близко учение «Живой Этики», и хотя я приобрела к нему в последние два года, мне кажется, что в основном я почти всю жизнь была его стихийным последователем. Например, давно поняла, что человек ценен тем, насколько он этически развит, насколько он способен осознавать красоту. А для этого совсем не обязательны высшее образование и комфорт нынешней цивилизации. Ведь вот бушмен (достаточно знаю об этом племени и его нравах), этот африканец, живущий в пустыне Калахари, просыпаясь утром, благодарит судьбу за то, что родился в таком прекрасном месте. А образованный горожанин, живущий удобно и комфортно, часто всем недоволен и не задумывается о мире вокруг него! Потому и становится иногда просто потребителем, не вкладывающим в свою работу энергии любви. Значит, он не отдает миру то, что получил. Не могу сказать, что у меня все получается, но я стараюсь. Для меня процесс творчества — некое священнодействие: вот я натягиваю холст, грунтую его — это я всегда делаю сама, стараюсь вложить во все максимум доброй энергии... Так и с Матерью Мира. Сотворила я эти картины в силу отпущенных Богом способностей, и мне кажется, если медитирую, я распишу их энергетическими волнами, то люди получат большой заряд моей любви. Пытаясь создать адекватный образ Матери Мира, я понимаю, что беру на себя

ответственность особую, ведь я женщина, вступающая в Новую эпоху, эпоху женщины...

Об этом прекрасно написала Зинаида Гиппиус:

*Каким мне коснуться словом
Белых одежд ее?
С каким озареньем новым
Слить ее бытие?
О, ведомы мне земные
Все твои имена:
Сольвейг, Тереза, Мария...
Все они — ты Одна.
Молюсь и люблю... Но мало
Любви, молитв к тебе.
Твоим — твоей от начала
Хочу пребыть в себе,
Чтоб сердце тебе отвечало —
Сердце — в себе самом,
Чтоб Нежная узнавала
Свой чистый образ в нем...
И будут пути иные,
Иной любви пора.
Сольвейг, Тереза, Мария,
Невеста, Мать, Сестра!*

Дикий Цветок

*О, сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему —
В этом высший подвиг цветка!*
Бассё

Итак, что же это за феномен, Лола Лонли? Прежде всего, почему Лола? Дело в том, что отец художницы в молодости побывал на целине в Казахстане и Киргизии. И привез оттуда домой красивое тюркское слово — «лола», что означает тюльпан. Весной степи Казахстана и горные долины Киргизии загораются алым пламенем цветущих тюльпанов. Частицу этого огня и занес отец в душу младшей, третьей своей дочери. Огня и силы, присущей дикому растению, что борется само за себя без всяких подпорок и окучивания. А сила в Лоле, при всей ее женственности и мягкости, чувствуется незаурядная. Правда, мелькнет иногда в широко раскрытых глазах то ли тревожный вопрос, то ли удивле-

Мастер творческих сил

ние. Невольно вспоминаются строки Михаила Дудина:

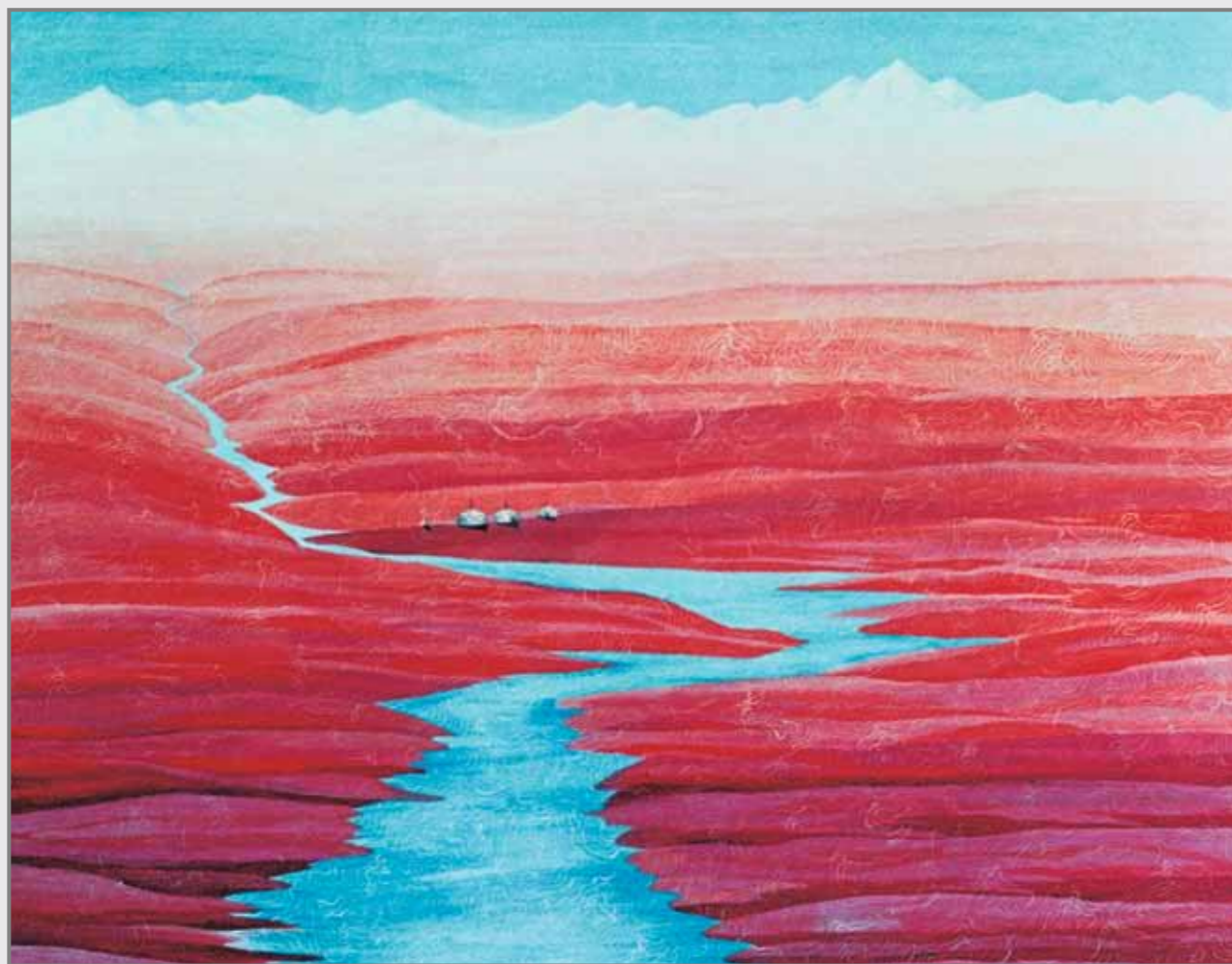
*Но как защита жизни, в нас
Живет со дня творенья
Неиссякаемый запас
Любви и удивленья.*

Вот это удивленье перед жизнью и неутолимая жажда выра-

зить свою к ней любовь, конечно, еще неосознанную, проявились в одаренной девочке очень рано. В четыре года самостоятельно овладев грамотой по заученной наизусть сказке, она стала читать, а рисовала с самых ранних лет, как себя помнит. На рисование в семье потомственных сельских учителей смотре-

ли только как на забаву. Дочь должна была продолжить семейную династию. Но Лола уже в пятнадцать лет, познакомившись с настоящими художниками, поняла: их путь — ее судьба.

А Лонли она стала потому, что первый художник, с которым она познакомилась, услышал ее имя как Лонли, да так и

Гоби. Дорога движения племен

представил ее своим коллегам. Среди художников стала она зваться Лонли. Девочке понравилось новое имя, и, повзрослев, лет через пять она стала Лонли и по паспорту.

После школы Лонли решила поступить в московское художественное Училище имени 1905 года, но, успешно пройдя конкурс по специальности и побывав на одном уроке, забрала оттуда свои документы. Ей не понравилась слишком жесткая система преподавания. «Дикий тюльпан» Лола привыкла расти свободно, с детства отстаивая свое право быть самой собой.

Чтобы как-то прокормиться и иметь возможность самостоятельно учиться живописи, она устроилась в Москве лаборантом в Зоологический музей, а в отпуск с рюкзаком отправлялась путешествовать по стране,

главным образом с помощью «автостопа». Побывала, конечно, и на Алтае. До сих пор вспоминает об особой алтайской энергетике. На вопрос, в чем же она заключается, отвечает — в радости. В постоянном чувстве счастья и отсутствии усталости при самых трудных горных переходах.

Вот пишу обо всем этом и удивляюсь. Чтобы пускаться юной девочке (красивой!) в такое свободное плавание в наше жесткое время и не сойти с дистанции, нужно иметь большую смелость, целеустремленность и силу характера. Именно эти качества проявила Лола в юности и успела немало.

Рано вышла замуж и родила сына Ивана. Овдовела, муж погиб в результате несчастного случая. Но при всех превратно-

стях жизни она постоянно, методично училась. Ходила по музеям, изучала художников, выбирая себе технику, и наконец остановилась на темпере. Как известно, это одна из труднейших живописных техник. Знакомый художник научил ее простейшим приемам, а уж дальше она шла сама.

Интерес и сочувствие к африканским племенам привели Лолу в научно-исследовательский Институт Африки. Очарованная сказаниями и легендами, она положила многие из них в основу своих живописных работ. И чем глубже погружалась в эти сказания, тем яснее становилась для нее удивительная смысловая и этическая общность мифов совершенно разных народов. Так с течением времени и родилась эта выставка, «Живые предания

вечности». А всего за плечами у Лолы пять групповых и четыре персональных экспозиции.

Узнав, что многие картины приходят к художнице во сне, я пыталась выяснить, когда, при каких обстоятельствах появляется у нее осознание своей связи с чем-то невидимым, необъяснимым.

— Я всегда, еще в детстве, ощущала особое насыщение в лесу, — говорит художница. — Это меня волновало, даже чуть тревожило. Смутно догадывалась, что есть там что-то большее, чем то, что мы видим. У каждого дерева есть какая-то невидимая нам сущность. Эту двойственность видимого и невидимого я однажды особенно остро ощутила, сидя на дереве, — Лола улыбается. — Был у меня любимый дуб, большой-большой. Лет в восемь я уже не боялась на него влезать. И однажды, сидя довольно высоко, прижавшись к стволу, испытала удивительное чувство: я в небе, в какой-то иной стихии и в то же время крепко связана с землей...

Елена Ивановна Рерих пишет в одном из писем о том, что разум человека разобщился со своим источником — Разумом Космоса. Но Матерь Агни Йоги утверждает, что сменяющие нас поколения будут чувствовать эту связь сильнее и острее, чем поколения старшие. Ведь шестая раса уже нарождается...

*Ступеней много впереди,
Рождений много и смертей,
Любовью жизнь руководи,
Преображая дар познания...*

Это строки из стихотворения Лолы Лонли. Ее дар познания действительно преображается любовью в самых разных ее проявлениях. У Лолы много друзей среди художников, она знает, как в наше время и даже самым талантливым из них трудно жить. Порой голодать приходится, ведь и холсты и

краски стоят так дорого! А далеко не у всех есть способность «продвигать» свои работы на выставки.

— Я человек активный и не боюсь предлагать свои работы. Но ведь надо помогать и тем, кто этого не умеет! — И Лола пытается хлопотать за других художников. И не только в Москве, но и на Украине, в городе Николаеве, где она живет сейчас с замечательным человеком, своим мужем, инженером-конструктором. Он великолепно знает философию, литературу, искусство и очень поддерживает Лолу во всех ее творческих планах и мечтах. А их у Лолы масса. И не только в области живописи.

Она мечтает ни много ни мало — создать действующую программу помощи художникам (естественно, необходим спонсор). Лола до мелочей ее разработала, продумала, как сделать проект доходным. Еще мечтает со временем, когда станет известной художницей, попробовать осуществить и другую, не менее ей дорогую детскую программу.

И сейчас Лола открыла небольшую школу, где учит детей не просто рисовать. Она рассказывает им мифы народов мира, и дети воссоздают их на своих полотнах. В Николаеве уже с успехом прошли выставки ее учеников.

*В струях душистых
К самому небу несутся
Чаяния наши,
Чтобы исчезнуть бесследно...
Дым над вершиною Фудзи.*

Я надеюсь и верю, что мечты Лолы Лонли так или иначе воплотятся в жизнь. А привела я здесь это пятистишие японского поэта Кагава Кагэки, чтобы обозначить новую тему в рассказе о ее творчестве. Дело в том, что поэзия и проза Японии и Китая — целый пласт в жизни Лолы. Для нее это не только любимая литература, но мироощущение и способ самовыра-

жения. Стихи в форме трехстишия и пятистишия часто рождаются у самой художницы.

— Сидела я как-то у окна в деревне у родителей, — рассказывает она, — а под окном рябина. Смотрю, прыгают по ней снегири и выклевают у ягод зернышки, а остальное сбрасывают вниз, на снег. И тут же у меня возникло хокку (трехстишие):

*Снегири шалят,
Красят снег киноварью —
Рябина зимой.*

Лола Лонли... Этакая русская Аленушка с большими серыми глазами, иконописно-правильным лицом и русой косой — и вдруг тяготение к японской поэзии, индийским, тибетским, африканским мифам... Мифам, перенесенным на полотно столь достоверно, что африканцы, покупавшие ее картины на выставках в Институте Африки, не могли поверить, что художница, никогда не бывавшая в их стране, способна так точно передать характер и мироощущение африканцев, так чувствовать стиль искусства! Такая она, Лола Лонли, — дикий тюльпан, выросший на российской земле, великом поле, где в дружестве и добрососедстве веками произрастали многие племена и народы... Может быть, отсюда и ее устремления, и сердце, открытое для всех племен мира, та всемирная отзывчивость русского духа, о которой говорил Достоевский.

«Ступеней много впереди...» — так начинается одно из последних ее стихотворений. Пусть не останавливаясь поднимается она по этим ступеням. Пусть так же, как Лола Лонли, преодолевают ступени своей эволюции наши новые поколения — представляющие, наверное, новую, шестую расу человечества. И пусть чистотой своих помыслов и дел помогут они и родной стране, и прекрасной планете по имени Земля.

А.В. Машукова

Пусть тебе приснится рай

В апреле 2002 года в Международном Центре-Музее имени Н.К. Рериха прошла выставка художницы **Ольги Величко** «Провинция сна». Мир художницы населен необычайными персонажами, пришедшими из снов нашего детства — сказочными героями, ангелами и фантастическими зверями. Определение «провинция», использованное в названии, никоим образом не относится к стилю и качеству жизни: это скорее мягкая ирония автора, оберегающего обозначенную им территорию от грубого вторжения действительности. Ольга Величко отстаивает свое право на преобразование жизни, она не хочет идти в общей колее. Люди и звери, населяющие ее «провинцию», все эти многочисленные коты-философы, масляничные петухи, дети, везущие свои саночки под зорким присмотром ангелов, имеют к нам самое непосредственное отношение — они несут человечеству счастье. Мягкий свет, излучаемый картинами, как спасительный круг, предохраняет нас от мыслей о несовершенстве бытия в минуты разочарования и усталости. По узкой тропинке вслед за сказочным Львом, волшебным Бараном, прекрасным Тельцом уходим мы туда, где живет наша вечно молодая мама и куда неизбежно стремимся мы, ее счастливые и любимые дети. Туда, в Зазеркалье, в мир Льюиса Кэрролла, Андерсена, Бредбери, в мир Гарри Поттера и Карлсона, играющего на крыше на зыбкой грани двух миров! Туда, в мир безоблачного детства — без Фрейда, комплексов и страхов перед взрослой жизнью!

Понятия «лубок», «примитив» или «наивное искусство», как бы соблазнительны они ни были, в случае Ольги Величко не совсем уместны. На всех ее выставках — и калининградских (в местах, где она творит), и московских (в Российском фонде культуры и театре Юрия Куклачева) — профессионалы терялись в поисках терминологии, в искусствоведческих догадках, а зрители — просто ее любили.

Работы художницы находятся в частных собраниях и галереях США, Франции, Германии, Израиля, Польши, Норвегии и России.

Впечатлениями о выставке «Провинция сна» делится журналист **Александра Машукова**.

2002 ВЕЛИЧКО

Снежный храм

Предпраздничный снег

...В детстве мама пела мне колыбельную — американскую песенку про «черного мальчика бэби». Там были такие слова: «Пусть тебе приснится рай, полный ласковых зверей, и нежный крокодил. Пусть во сне с тобой затеют игры бегемоты, львы и тигры. И с ними в жмурки ты играй — спи, ляля, моя ляля, моя ляля...» Теперь я знаю, как выглядит то, что должно было мне присниться.

Он сидел на скамейке, в ботинках и под зонтиком. Шел дождь, и длинные капли свисали с

намокшей ткани зонта как ниточки. На колено к нему опустилась маленькая птица, но она ему не мешала. Он думал о чем-то, должно быть, важном и печальном, и это отражалось у него в глазах. От дождя было зябко, и он обвился полосатым хвостом: так теплее.

Коты светлогорской художницы Ольги Величко, показанные на выставке «Провинция сна», как и все другие животные на ее полотнах, уравнены с ангелами и детьми. Впрочем, нет, не так: с ангелами и детьми уравнены не только животные, но и существа, которых принято считать

неодушевленными. Игрушечный слоненок на колесиках, например. Или белый плюшевый медведь. Этот последний заботливо обнял девочку, которая раза в два меньше его, и сидит с таким серьезным выражением на круглой очкастой морде, словно хочет нам сказать: «Я за нее отвечаю». «Где ты, белый мой медведь?» — называется эта картина.

На полотнах Ольги Величко вообще все в обнимку. Мальчики обнимают собак, девочки — коз, ангелы — котов, коты — детей, а один веселый кот обнимает даже Пушкина. Ослепительно золотая болдинская осень; кот и Пушкин сидят в саду за столом, обнявшись, и кот в одной лапе держит чашку, а в другой у него перо, которым он и водит по листу бумаги, очевидно, сочиняя бессмертные стихи.

Объятие для художницы Ольги Величко — пластическое выражение общения душ. Это общение несет безусловное, ничем не омраченное счастье, а потому картины залиты светом, и цвета сочные и радостные, как на детском рисунке. В этом общении — гармония взаимопонимания: души чувствуют друг друга, они исполнены нежности. Они вместе, и ничто не может их разлучить.

Картины Ольги Величко открыты и доверчивы до наивности, но это безусловно наивность мудрого и образованного человека, пропустившего через себя историю искусства и пришедшего в результате к сознательной простоте выразительных средств. К простоте — как к высшей ступени изощренности. «Наверное, легко догадаться, кого люблю из старших, — говорит сама Ольга, — Фра Анджелико, Веласкеса, Матисса, Ван Гога, Кустодиева, Маврину... Вообще люблю всех искренних и наивных, темпераментных и нежных, загадочных живописцев». А еще — лубок и иллюстрации Ивана Билибина, фольклорные мотивы Наталии Гончаровой и яркий мир Пауля Клее, русские сказки и поэзия Серебряного века — впрочем, разве перечислишь все души, которые могут оказаться родственными этой художнице, такой бесстрашной в своем умении любить? Такой женской в этом умении...

«Я живу в чудесной провинции этого всеобщего, где бродят единороги, очень много детей, и почти все звери из Нарнии — говорящие. Мужчина часто бывает в других местах, где происходят «самые главные события». Мы его ждем. Главные события нашей жизни — весна, лето, утро, вечер, первый снег...»

Пускай мужчины странствуют где-то далеко, озабоченные своими важными делами, — их

отсутствие не ощущается как пустота или потеря. Они вернутся. Кроме того, о них постоянно напоминают дети. Интересно, что на картинах Ольги Величко не так уж часто можно встретить человеческих мать и дитя вместе, самые выразительные мамы у нее — кошки. Вот она лежит на полочке, семь разноцветных котят уткнулись ей в теплый живот, она неподвижна, и только глаза полыхают желтым огнем. А вот сидит другая кошачья мама, по спине у нее, как по дереву, карабкается котенок, а два других с деловым видом расположились на ее хвосте, будто на жердочке. Лица (не морды!) этих мамаш кротки и одухотворенны.

В наполненном и тихом женском ожидании, о котором говорит и пишет свои картины Ольга Величко, чувствуется не только российская безоглядная щедрость, но и восточное смирение. Недаром художница родилась и училась во Фрунзе, а потом в Алма-Ате (она закончила декоративное отделение Кыргызского художественного училища и художественно-графический факультет Казахского университета имени Абая). И в бывшем немецком городке Раушене, ныне Светлогорске, расположенном под Калининградом, Величко живет всего семь лет. Говорят, кстати, что раньше она писала совсем по-другому, и Восток предстал в ее картинах замкнутым, неярким, мистическим, почти сумрачным. Сейчас это трудно себе представить. В ее сегодняшних картинах нет ни намека на сдержанность или закрытость. Теперь, если, скажем, она изображает ночь, то темнота получается благоухающей, прохладной, полной тайной жизни, но никак не страха. Так что даже волк не принесет здесь несчастья (картина «Сад»).

Жизнь состоит из открытий, каждое из которых важно. Как у той улитки, что заползла на большую ракушку и вдруг увидела морскую даль. И, кажется, даже всплеснула ручками. «Улитка, увидевшая море» — эту картину можно было бы принять за декларацию, если бы Ольга Величко была к ним склонна. Ей просто нравится замечать то, мимо чего спокойно проходят другие, она любит остановиться, рассмотреть во всех подробностях и прийти в восхищение. Разве не достоин восхищения, например, кот Джеффри? Портрет этого кота, выполненный в традициях русского лубка (вспоминается гравюра XVII века «Кот Казанский»), окружен надписями, которые рассказывают буквально о каждом его жизненном проявлении. «Ибо Бог благословил его богатством движений. Ибо он умеет танцевать под любую музыку...»

Болдинский кот

Так все они — звери, дети, ангелы, деревья, — запечатленные внимательно и нежно, и остаются в нашей памяти как часть единого мира.

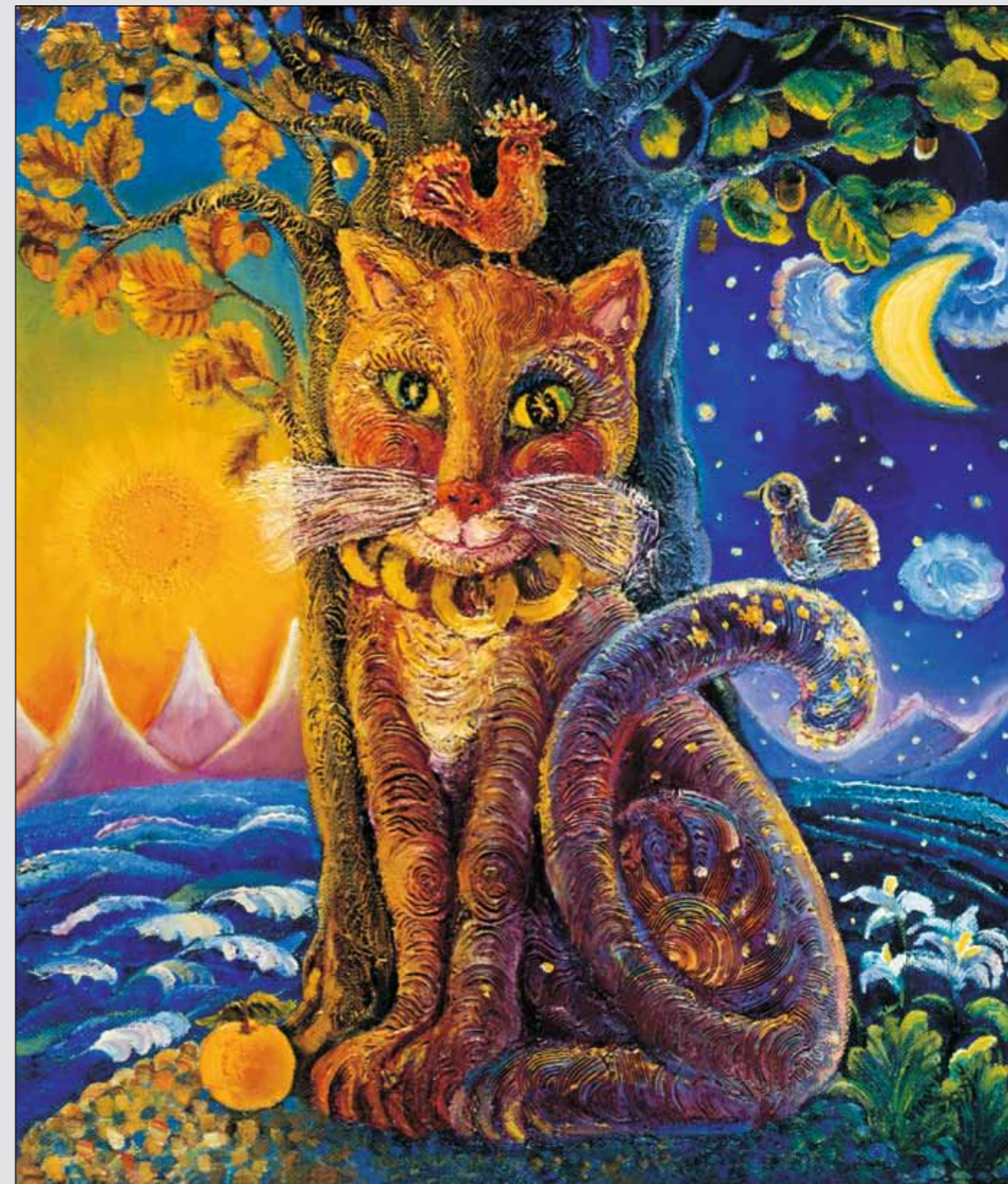
Кот в очках и на задних лапах сосредоточенно облизывает петушка на палочке и одновременно украдкой косит глазом в раскрытую книжку. А за руку с ним — девочка в спущенных колготках.

И «Слон of my dream» («Слон из моего сна») — весь в орнаменте, как круглый домотканый половик, с хоботом-бубликом, а на хвосте у него резинка.

И румяная молодуха с веником и рыжим котом на руках, закутанная в пестрое стеганое одеяло, щедро припорошенная снежной крупой («Предпраздничный снег»).

В какой-то момент становится все же странно, что в этом мире совсем нет ни страха, ни тревоги, ни сомнения, ни отчаяния. Неужели правда можно жить, оставаясь в стороне от всего этого?

Да нет, такого не бывает. Вот и сама Ольга Величко говорит: «Последнее время мне все труднее бывает там, где небо черновато, куда не залетают ангелы и где душа должна все время бороться, напрягаться и приспособливаться, деформируясь. Просто Господь оставляет нам знаки повсюду. Мы должны угадать их значение. Все знаки говорят мне, что смерти — нет».

У дуба